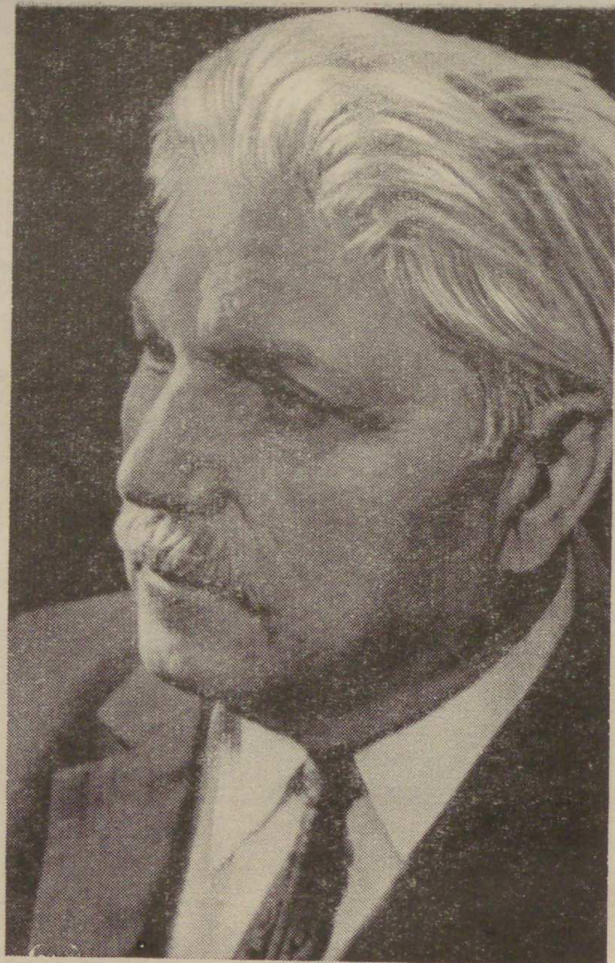

С(А3)2
С28

МЕХТИ СЕИДЗАДЕ
РОДНИК КРАСОТЫ

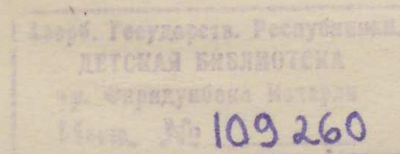
МЕХТИ СЕИДЗАДЕ

**РОДНИК
КРАСОТЫ**

СТИХИ И ПОЭМА

ПЕРЕВЕЛ С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
АЛЕКСАНДР БАЛИН

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · МОСКВА 1974

Мехти Сеидзаде принадлежит к старшему поколению азербайджанских поэтов. Автор многих поэм и драматических произведений, имеющих широкую известность в республике, он является убежденным сторонником традиционных форм азербайджанской народной и классической поэзии.

© Перевод на русский язык. Издательство
«Советский писатель», 1973 г.

СТИХИ

ГОРДЫЕ ГОРЫ

Песни тысячи ашугов реют в синей вышине,
И без вас, высоких, гордых, не дышать
привольно мне.
Красоту, величье, силу дали вы моей стране, —
Ваши слушаю потоки, горы гордые мои!

В рощах тут молодого, в ежевике голубой
Вижу я долин цветенье, трав нейстовый прибор.
Облаков ленивых стадо оставляю под собой
На вершинах ваших снежных, горы гордые мои!

Речи ваших бурных речек понимать мне
суждено.
В зарево пунцовых маков мое сердце
влюбленно...
Мчится милый олененок, — он привык ко мне
давно,
Сокол на руку садится, горы гордые мои!

Родника струей прохладной жажду острую
тушил,
На утесах бездорожных я нисколько не тужил
И горжусь, что песней честной вам достойно я
служил, —
Собеседник и товарищ, горы гордые мои!

НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Родины облик меняется с каждым мгновеньем.
Наше грядущее — мудрых сердец вдохновенье.

В бывших пустынях сады зацвели над морями,
Горя сиротского днем не сыскать с фонарями.

Дети отчизны, расправив могучие крылья,
К звездам сияющим путь несравненный открыли.

Цель нашей жизни — заряд высочайшего смысла:
В дружбе с народами людям служить бескорыстно.

Прав Мир-Мехти: пусть столетий листаются главы,
Но не забудется дней наших гордая слава.

НЕ СТОЯТ...

Не отдавай себя любви, что под тобою пропасть роет.
Отринь ее — один живи, — твоих страстей она не стоит.

Ты с множеством своих дружков бездумно пьешь
вино густое,
А друг единственный таков, что все дружки — его
не стоят.

Сладкоголосы болтуны — в потоке слов тебя омоют.
Тех, кто словам своим верны, они, болтливые, не стоят.

Щитом подставив грудь свою, ты друга спас на поле боя
И рану получил в бою, — о ней печалиться не стоит.

О Мир-Мехти! Пусть обойти миры удастся нам
с тобою,
Отчизны краше — не найти, — одной ее миры не стоят.

Я КРЫЛЬЯ ОБРЕЛ

Красавица! Не утверждай, что я в любви
непостоянен, —
Страданиями родной земли я навсегда смертельно
ранен.

Я, как чинара, врос в нее неборимыми корнями:
Не свергнуть бурями меня, не сжечь небесными
огнями.

Земля! На ней я ощутил любви прихлынувшие силы,
Когда в объятиях своих она как мать меня
взрастила,

Когда меня вела она от неприветливого детства...
Я крылья гордые обрел — высокой родины
наследство.

Не потому ли, Мир-Мехти, в газелях я в любви
признался?
Красавицам, читавшим их, двадцатилетним я казался.

НЕ ЖАЛУЙСЯ

О сердце! Боль любви тебя не истребила:
Ты билось, все в крови, страдало и любило.

Не так ли тот мудрец, что знает все на свете,
Хлебнет соленых слез, попав к невеждам в сети?

Что ж, коль не понял врач твоей простой болезни,
Вода из родника лекарств его полезней.

И все ж стремись к любви сквозь боль
недомоганья, —
Измерь свой краткий век мгновеньями свиданья.

Прошел ты, Мир-Мехти, к свиданию сквозь муки,
Не жалуйся теперь на горький мед разлуки.

РАССКАЖИ ОБ УМЕ...

О красе цветка, что гостем в сад явился, расскажи.
Словно родинки, тычинки, — ты о маке расскажи.

Соловья в саду увидев над единственным цветком,
В день прощания влюбленных — о печали расскажи.

Хоть любовного свиданья жар возлюбленным знаком,
Помолчи о расставаньях, о свиданьях расскажи.

Не мельчить душою хочешь? — все сомненья отмети!
О намереньях высоких, о раздумьях расскажи...

Тесно в мире от красавиц... Всех воспеть бы,
Мир-Мехти!
Но вначале вдохновенно об уме их расскажи.

НЕЖНЫЕ КРАСКИ

Марал Рахманзаде

Искусства чудного рассветная звезда
И Азери любимица, — всегда
Твореньями чаруешь наши души:
И взлет любви, как горная гряда.

Творец счастливый! Сила в чем твоя?
Проникнув мыслью в сущность бытия,
С вершин заоблачных высокого искусства —
Слить с миром очарованное Я.

Я замер у картин твоих, Марал:
Какую силу нежный штрих вобрал,
Чтоб вечностью дышало созиданье?!
Чтоб мир природы сам тебя назвал
Соперницей счастливой...

Поляны — у цветов в плену. Мугань повсюду
 за тобой...
 Испей, красавица, весну из чаши неба голубой.
 Ты, живописец, краскам рад, — созвучьям слов моих
 внемли.
 Давай с тобой, как с братом брат, прославим красоту
 земли.
 Вон отражаются в Куре две ивы, две родных сестры,
 И улыбается заре моя Мугань — сестра Куры.
 Под шорохи росистых трав отрадно птицам гнезда
 вить.
 В прохладе вековых дубрав джейранов не остановить.
 Мугань! В сердцах людских цветы, как песня вечная
 любви.
 Напев влюбленных, Мир-Мехти, цветов нектаром
 оживи.

О, жажда жизни! Тайна бытия.
 Моя душа в твоей всеисильной власти.
 Являясь в мир, от счастья плачу я,
 Но почему ж я не смеюсь от счастья?
 Да, жизнь сладка... Последнего глотка
 Нам не хватает: смерть тяжелой дланью
 Придавит грудь, но дышим мы, пока
 Нам радостен последний миг дыханья.
 Законы жизни изначальны,
 их
 Не изменить нам: станем горстью праха,
 Но мы живые, мы — не знаем страха
 И тем отличны от ветвей живых,

ИЗ ТЕТРАДИ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

1. На братской могиле

Упав ничком в бою за родину свою,
В чужих краях спят юноши устало...
Сердца живых людей —

они не устают

Носить свою тоску дорогою к вокзалу.

Все гуще седина в прическах матерей,
И все взрослей сыны —

отцами стали сами.

А жизнь есть жизнь:

она — то горем у дверей,

То ветром ласковым над вешними лесами.

Шелками росных трав наряжены луга...
Что шепчут маки над могилой братской?
Река раздумий... Как ты глубока
В моей душе израненной, солдатской.

Рыдает женщина, что с нами из Баку
Приехала... Тяжка ее утрата:
Лавиной снежною по желтому виску
Седая прядь —
над сном родного брата.

Я мчался в школу с ним, с отчаянным,
босым,
Под солнцем радости, которого нет краше...
В дни юности своей, в счастливые часы,
На малый миг не мог помыслить даже,

Что эта вот земля —

могилою ему...

«Чтоб отчий край враги не истоптали,
Я смерть свою в чужом краю приму», —
Так думал он под ливнем чуждой стали.

Ровесники, друзья... Их крови золотой
Не потускнеть, ей не остыть вовеки,
Чтоб сердце незакатною звездой
Сияло честно в каждом человеке.

Родные, спите!

Ваша высота

Грядущего от глаз живых не скроет...
Могучий Каспий — родины уста —
Рокочет гимн любви своим героям.

2. В лагере Бухенвальда

Жив еще запах крови
В воздухе Бухенвальда,
В душном гнезде преступлений,
Свитом фашистской чумой...
Над нашими головами
Небо черней асфальта,
И, кажется, солнце в небе
Пропитано тяжелой тьмой.

Пахнут огнем нестерпимым,
Дымят крематория печи —
Адский очаг, где сжигали
Сотни тысяч людей. . .
Мрачные камеры смерти
Сомкнули бетонные плечи.
Как узников желтые лица —
Окалина рыжих цепей.

Руку с другой рукою,
Словно судьбу с судьбою,
Сковывали цепями
Вышколенные палачи. . .
Лагерь дымился ночами
Детскою кровью живою,
Здесь до сих пор услышишь
Печаль матерей в ночи.

Глубокая скорбь отсюда
Летит, чтобы помнить миру,
Как, потушив восходы,
Кровавый справляя парад,
Из кожи узников звери
Делали сувениры,
Стреляли в живое сердце
За черные деньги наград.

В горячем — надежды бились, —
О, сколько надежд крылатых!
Травинками луга родного —
Ресницы ребячьих очей.
Возлюбленной жаркие губы,
Рукопожатия брата. . .

Э П Е

В сердце осталась Отчизна
Под ливнем отвесных лучей.

В лагере Бухенвальда
Владыкою — смерть нагая.
В пятнах крови бараки. . .
Вспучившись жутким бугром,
Вот и сегодня пепел
Земля из себя извергает. . .
Трагедия Бухенвальда
Режет острым ножом.

Сколько ж вместили здесь горя
Отважные души людские,
Сколько надежд и судеб —
Прахом у наших ног! . .
Памятник в Бухенвальде. . .
Мы помним о вас, дорогие:
Смотрите! — над вами, как пламя,
Сердец неумолчных венков.

. . . Как дух погибших тут,
Величественен он.

Идут,

идут,

идут

К нему со всех сторон. . .
Герои не умрут
Под неумолчный звон
Сердец живых. . .

3. «Парк-отель»

Комнатенка в веймарском отеле, —
Как же мы попасть в нее хотели!
В ней когда-то Шиллер жил недолго,
Смертный, он знавал величье долга.
Теснотой гений не смущался,
Если в целый мир он не вмещался.
Стены прочь!

Он при любой погоде
Выражал любовь свою к свободе.
Жемчуг слова согревало чувство
Для венца бессмертного искусства.
Париком он дальних звезд касался...
Мир поэта.

В нем я оказался.
В комнатенке, в старом «Парк-отеле»,
Мир великий создан — в самом деле.

В БУЗОВНАХ

Бузовны... Свет луны.
Скалы сказов полны.
Для дастана ашугу
В сердце хватит струны.

Свет луны. Желтизна —
Словно бронза она.
Стаей горлиц на берег —
За волною волна.

Но — вдруг ветер шальной.
Море встанет стеной,
Волны львиной лавиной —
На песок золотой.

Скулы острые скал
Ветер злой изласкал,
Только гордым не страшен
Бурь голодный оскал.

Вот шаны, — посмотри!
Сладок, светел внутри.
В пору ранней росы
Он алее зари.

Полон сока инжир,
Дар природы инжир.
Слаще меда в сто крат,
Льда прохладней инжир.

О моя красота!
Летом ты разлита
В сотнях тысяч алмазов,
Где все — высота!

Солнце. . .
 Дарит восток
Золотистый цветок,
А вода Загульбы
Словно света поток.

Бузовны. . . Свет луны.
Скалы сказов полны.
Для дастана ашугу
В сердце хватит струны.

ВОСПОМИНАНИЕ

Прозрачен вечер. Тишина над миром,
Дремало море, как младенец милый.

Хазар баюкая, мурлыкал ветер южный.
Всплывал из волн луны овал жемчужный.

От звезд алмазных оторваться ль глазу,
От неба, что прозрачнее алмаза?!

Макушками сомкнулись тесно скалы,
Как будто каждая друг дружку приласкала.

Пылали горизонты зноем алым,
Где небо падало рубиновым хоралом.

Весь в отблесках прекрасного пожара,
Я любовался красотой Хазара.

Шаги. . . И, повернувшись поскорее,
Тебя вдруг вижу на крутой скале я.

Ты чай мне протянула через кручу:
«Мой сын устал. . . Он жаждою измучен».

Я вымолвил: «О мать моя святая!
К чему опять себя ты утруждаешь?!»

Ты пристально в глаза мне посмотрела
Всем милосердьем, что в тебе горело:

«Пей, мой сынок! Наступит срок: сквозь
зори

Опять луна поднимется из моря.

И снова над притихшею водою
Ты залюбуешься вечернею звездой.

Но ты придешь на этот берег, знаю, —
Меня окликнуть: мать моя родная!»

РОДНИК КРАСОТЫ

Дастана правда, вот она:
В неведомые времена
Родник трехокий белым днем
Возник...

Вода кипела в нем.
На скалы падала, звеня,
Струя,

как черная броня.
Струя другая — зорь алей,
А третья — снежных скал белей.
Родник, возникший возле скал,
Волшебной силой обладал.
Так вот что делала вода
В те стародавние года:
Дурнушка из кипящих струй
Шла,

словно солнца поцелуй.
Красавица... Амбра волос
На мрамор рук.

Бутоном роз
Горели юные уста...
Так возникала красота.
О, сила тайная воды!
Какие здесь росли сады?!

Где даже камни ста цветов, —
Расцвел пион — алмаз готов!
А сколько солнц в глазах зажгли
Красавцы парни той земли,
Где ночи осветились вдруг
Очами-лунами подруг.
Волшебный край, цветущий сад, —
В любой стране о нем твердят.
И вот уж в дальнем далеке —
Весть о трехоком роднике.
К нему, пробившись между скал,
Усталый всадник прискакал,
Испил воды из родника —
Была как мед она сладка.
Одежды пыльные свои
Он снял и в дивных три струи
Усталость тела погрузил...
Родник его преобразил.
Своей пленившись красотой,
Подумал всадник:

«Нет, постой!

А вдруг пожалуют сюда
Другие?! Чудная вода
Их всех в красавцев превратит.
Но кто разрушить запретит
Источник вольною рукой?»
И вот уже крушит киркой
Он скалы возле родника —
Убить родник наверняка.
Тянулся час как долгий год.
На пальцах кровь, в глазницах пот,
И проносилась у виска
Со свистом тяжкая кирка...

Стон эха в скалах отзвучал,
Родник трехокий замолчал,
И рад завистник тишине:
«Досталось чудо только мне!
Теперь, — вздохнул он, — на земле
Крылом зари взмахну во мгле,
Взойду сияющей звездой —
Красивый,

сильный,

молодой!»

От черных дел он не устал.
Из переметных сум достал
Осколок зеркала, спеша.
К нему приник он, не дыша.
Но что такое?!

Из стекла

Мрачнее, чем ночная мгла,
Глядел уродец...

И свои

Журчали песни три струи.

ЛЕГЕНДА О МАРАЛЕ

В щедром ливне ласкового солнца —
К скорому броску как вихрь готов —
Брел марал зелеными холмами
И щипал траву среди цветов.

Взглядом острым увидав марала,
Поднял лук охотник удалой...
В нетерпенье тетива дрожала,
Чтобы жертву поразить стрелой.

И когда марал на взгорок вышел,
Торопливо взвизгнула стрела.
Светлой кровью сердца обагрилось
Темное коварство ремесла.

Смерть... Еще поборется он с нею,
Вон родные степи — впереди...
Он бежал жарой, безводьем, жаждой
С болью оперенною в груди.

Мчался гордый горными лугами.
Голос страха в сердце замирал.
Над ключом — над журавлиным глазом —
Он склонился, раненый марал.

Пил марал, и слезы глаз печальных
Смешивались с влагой голубой...
Из зеленых зарослей лягушка
Квакнула: «Братишка! Что с тобой?»

Вижу, — ты отчаянно печален.
Может статься, я помочь смогу?»
Отвечал марал:

«На зорьке ранней
Ранен я сегодня на лугу.

Грудью я наткнулся на жестокость...
Чем бы ты, лягушка, помогла,
Коль в зрачках моих померкло солнце,
Если в сердце у меня стрела?»

И в ответ чванливо и надменно
Квакнула лягушка из ключа:
«За таких, как ты и я, маралов
Я бы растерзала палача!»

Свежей болью по притихшей ране
Резануло...

Ахнуло в виски.
Вспыхнуло отчаянье слепое
И погасло в приступе тоски.

Падая, шепнул марал лягушке:
«Вот и все... Но как ты ни права,
Знай, что не стрела меня убила,
А твои слова».

БАБОЧКА И ПЧЕЛА

Однажды бабочка пчеле
Сказала:

«На твоём челе
Я зрю лишь трудный пот работы.
Что знаешь ты? Цветы да соты.
На крылья на мои взгляни:
Они стоцветные,

они —

Улада для любого взгляда,
А ты, как желтая досада,
То мак терзаешь, то левкой
В трудах бессменных день-деньской».
«Ну что ж, — ответила пчела, —
Прекрасна ты и весела,
Я ж в самом деле некрасива,
Но как бываю я счастлива,
Когда за мой высокий дар
Цветок подносит свой нектар.
Пыльца же обратится воском —
Не крыльев радугой и лоском.
И круговую чашей меда
Отметится моя работа.
А ты? Похожа на цветы...
Но взлет стоцветной красоты
Твоей — из гусениц...»

ЖБАН И ПИАЛА

Надменно пиала произнесла:
«Я, пиала, хоть ростом не взяла,
И все же, жбан, ты в страхе предо мной
Отвешиваешь мне поклон земной.
А впрочем, в этом нет твоей вины:
Ведь доблесть не родится из длины...»
Ей жбан отвечивал:

«О храбрая, постой!

Не обольщай себя мечтой пустой, —
Пустые вечно проявляют спесь,
А пустоту твою попробуй взвесь!
Я полон, зачастую ты пуста.
Хоть и склоняюсь, но высок всегда.
С высот своих я славлю бытие.
Вершить добро —
желание мое!»

РУБАИ

1

Раз десять опоясав шар земной,
Ты посетишь все страны до одной.
Хоть горы по плечо, хоть море — по колено,
Все ж умирать придешь к земле родной.

2

Воображенья конь носил века
Ребенка, отрока, мужчину, старика,
И только мудрость солнечной науки
Нас к звездам понесет наверняка.

3

Земля прекрасна, словно вздох весны,
Но не имеет никакой цены
Она без человека, ибо в мире
Трудом людей века озарены.

4

Прохладу сеяли в свой срок чинары эти
На деда моего, — он долго жил на свете.
Присев в густой тени после трудов дневных,
Пусть вспомнят прадеда мои родные дети.

5

Искал единственный цветок своей любви.
Ходил по цветникам. Дастан звучал
в крови...

Мне соловьи сказали: «Много слишком
Красавиц в мире, — дружбою живи».

6

Как гордостью меня ты ни казни,
Уверен: ждешь свидания все дни.
Когда «Уйди!» ты шепчешь мне губами,
Глаза твои кричат: «Повремени!»

7

Кипят желанья, как пенный вал морей,
И радость каждого — одна другой мудрей,
А мне желанны родника журчанье,
Трель соловья и песни матерей.

8

Моя душа — песчаный зной беды,
Твоя любовь — моря живой воды.
Я злаком прорасту, с тобой соединившись, —
Не запрещай искать твои следы.

9

Давно ль передо мной ты косы расплетала?
Средь мглы волос твоих моя душа плутала.
Прости, — я не искал обратного пути,
И вот моя душа моей уже не стала.

10

Живи, народной мудростью лучись,
Речь о себе завел — не горячись, —
Глаз видит всех и лишь себя не видит:
У глаза своего ты скромности учись.

11

Пылает сердце. . . Нам его носить
В груди, как солнце, — согреть, светить.
Вселенная берет огонь у солнца,
И силам зла его не погасить.

12

Видит соколом себя воробей на хвостинке,
Тигром мнит себя котенок, когти утопив
в холстинке, —
Уж не так ли сочинитель восклицает:
«Я — поэт!» —
Океаном представляя вдохновения дождевки.

101

КЕРОГЛЫ
ПОЭМА

О, Гасан-хан в богатстве, словно в литой броне!
 Легенды растут, как барханы, о славном его табуне.
 А кони, не ведая пута, любовную ладя игру,
 Пашут диким копытом пастбища поутру.
 Табунщик Али доволен: седло что родимый дом.
 Он ездить по пастбищам волен на жеребце гнедом.
 Сорок годов служенья не сбавили жара души...
 Слушают молодые старого Али-киши:

«Птица без крыльев — не птица, а перьев
 ненужных ком,
 Джигит без коня не сладит даже со мной, стариком.
 Конь пронесет сквозь бури, умчит от лихих лавин...
 Конь и джигит — это целое, слепленное
 из половин.

Вы видели, как джигиты стоят на луке седла?
 Чем не достойней полета владыки небес — орла?!»
 Сын у Али...

Ровшаном храброго звать паренька.
 Мал, но уже украшал он честную жизнь старика:
 От многолетней скачки болят по ночам позвонки...
 На добродушной кляче Ровшан объезжал косяки.
 Он успевал при этом приветствовать каждый
 цветок,
 И превращалось лето в яркий, цветущий поток.

Еще далеко до одышки: Ровшан по утесам
мелькал, —
Что он искал, мальчишка, на острых зазубринах
скал?

Орленок с душою нежной, булат посреди
цветника...
Вершины в папахах снежных безмолвствовали века.
В глазах мальчугана все резче обозначалась тоска:
Видел Ровшан, как хлещет ханская плеть бедняка.

* * *

Тот, кто в седло садится, из звездного пьет ковша...
Время летело птицей. Рос и мужал Ровшан.
Гордость в нем забродила, и вот уж тесны стремяна.
К юноше подходила жизни его весна.
Когда, казалось, под небо взлетал он на скакуне,
Ровесник завидовал немо:

«Вот так бы сейчас и мне!»

...Вдоль берега пас табун свой старый Али-киши.
Сумерки опускались в звенящие камыши.
И вдруг из волны Хазара взлетели два жеребца:
Круто струящимся гривам сегодня не будет конца!
Из-под копыт могучих камней искрометный град,
Но вот полонен арканом джейраноподобный Гыр-ат.
Очередь за ветроногим Дур-атом, и он — в плену...
Звезды над горным отрогом вслушиваются в тишину.
Он знает, табунщик старый, как сердцу в неволе
темно,

И дарит затворникам ласку, и дружбу несет
и зерно...

У Гасан-хана тоже пируют — любуйся любой!
Укрыв лицемерием рожи, нахлебники лезут толпой.

Сквозь чавканье мерное тщится газель прозвучать
во дворце, —
Не потому ль, танцовщица, печаль на твоём лице?
Наевшись, почти бездыханный, злой завистью тайно
греша,

Славил богатства хана друг его старый — паша.
Мимо пирующих лавой Гасановы кони текли...
Подогревая тщеславье, ложились слова-ковыли:
«Чтобы цвела взаимней дружба, что слаще вина,
Ты жеребца подари мне из своего табуна...»
Гасан в приказаниях точен. И, словно из-под земли,
Пред грозные ханские очи явился табунщик Али.
«Старик! Отбери коня мне — усердье твоё оценю, —
Да только такого, чтоб в мире не было пары коню».
Два чуда, два пленных брата пред ханом храпят,
горячи:

Табунщик Али Гыр-ата с Дур-атом не разлучил.
«О Гасан-хан великий! От века до нынешних дней
Еще ни единый владыка не видел таких вот
коней...»

В зависти черной, известно, змеиная дышит душа, —
Зло подтрунил над подарком льстивый завистник
паша:

«Ты шутишь, Гасан, не иначе, но шутка уместна
вполне:
Пускай отъедаются клячи в просторном моем
табуне».
Он выиграл схватку, сквалыга, сумел напаскудить
дружку...

Глаза приказал владыка выколоть старику.
А чтоб унялась досада в Гасане в конце концов,
Кнутами из ханского сада выгнали жеребцов.
Но Гасан-хан недаром прославился «добротой», —

Он крикнул несчастному: «Старый! Ты кляч заведи
с собой.

Да помолись усердней за то, что остался жив...»

Сквозь ханское милосердие, на шорох струящихся
грив,

Ладони прижав к глазницам, поплелся Али во тьму.

Волной бороды багряница стекала на грудь ему.

О, боли кровавый омут! Мучительный путь одолев,

Старик оказался у дома, стеная, как раненый лев.

И голосом, полным страданья, окликнул он сына:

«Ровшан!

Смотри, чем за все испытанья слуге заплатил

Гасан-хан».

Прогрохотало в уши. По сердцу — зарядом свинца:

Глядели Ровшану в душу пустые глазницы отца.

В несчастье еще не поверя, сын крикнул, как сокол
в бою:

«Отец! Бесноватого зверя я в черной берлоге убью!»

К сыновней груди, как к надежде, приник

горемычный Али:

«Мой ветер! Стань бурей прежде, чем нечисть

низвергнуть с земли.

А буря родится не днями... С отмщеньем, Ровшан,

не спеши,

Сорняк вырывают с корнями, иль снова он всходит

с межи.

Недаром нас ветры носили над ликом земной красоты:

Насилие можно осилить лишь жаждой людской

доброты.

Пока ж на коней... Вероломство богатых я знаю

давно, —

Продолжить с Гасаном знакомство тебе, мой Ровшан,

суждено».

Пустились... То машистой рысью, то в мерный
срываясь галоп...

Какие протяжные мысли заботили пламенный лоб?

Какой несравнимою волей удерживал рвущийся
крик,

Страдая от утренней боли, в кровавых одеждах
старик?

Скакали... Бурливым потоком — долинами.

Ветром — к хребту.

Копыт неподкованных цокот на глыбы колол
темноту.

Алела полоска заката, и, выплыв из медленной тьмы,

Туман постепенно окутал долины, стремнины, холмы.

В целительных струях тумана Али прошептал:

«Красота!»

Он видел глазами Ровшана знакомые с детства места,

И выбрал ночлег на отлогом речном берегу у леска:

«Пожалуй, вздремнем мы немного, — нам здесь
безопасно пока.

А утром уйдем по туману расщелиной горной
гряды...

Здесь часто идут караваны, — далеко ль опять
до беды?

Чтоб грозным низринуться громом, должны мы молчать
до поры

И выбрать единственным домом вершину высокой
горы...»

Заря над туманом плотным ударила в бубенцы,

С щебетом беззаботным покинули гнезда птенцы,

И потянулись, пригреты, к светилу тычинки
цветка...

Проснулась тревога с рассветом в дремучей душе
старика.

Лишенному теплого света не ждать от грядущего
дня

Ни ласки лугов, ни привета горящего в небе огня.

А было...

Душа не забыла ни вихрей, секущих лицо,
Ни радости дней, что бурлила, стекая с копыт

О солнце! Не слишком ли часто, не вскинув от лености
жеребцов.
век,

Глядит на тебя безучастно рожденный тобой
человек?

Прозреть, лишь ослепнув сначала. Услышать, когда уже
глух...

Раздумий своих изначальных старик не высказывал
вслух.

И снова — два вихря, два дива да небо одно — без
границ.

Взлетали могучие гривы, как крылья невиданных птиц.

Тропинки змеились под ними, назад уплывали хребты,
Ущелья уступами злыми глядели в провал темноты.

Минуты всего до заката... Все реже удары копыт...
Гыр-ат, окликаая Дур-ата, тревожно в потемках храпит.

Последний прыжок, и пред взором — рой звезд сквозь
узор облаков,

А ниже —
оставшие горы, как стадо уставших быков.

Тот голос, счастливый и чистый, иные услышат миры:
«Отец! Мы с тобой на скалистой вершине отвесной
горы».

Отвага и прежняя удаль проснулись в душе старика:
«Сад жизни моей! Не отсюда ль взлетишь ты повергнуть
врага?!

Великое сердце питает стремленье к далекой звезде, —

Орлиная статья вырастает в высоком орлином гнезде...»
Умение каменотесов им щедро природа дала,
Чтоб крепость на грозных утесах под самые звезды
ушла.

Но сколько ж терпения нужно — безволию дать укорот:
Не чудом возникла конюшня из скальных упрямых
пород.

В прохладной тени барбариса, что к скалам доверчиво
ник,

Живительной влагой струился прозрачный и чистый
родник.

Сквозь сизую проседь тумана, как будто сквозь давние
сны,

Виднелись внизу караваны, лавиной неслись табуны...
С рассветом вставали обычно Ровшан и ослепший Али
И жарили мясо добычи, съедобные корни пекли.

Ровшана искусные стрелы легко настигали косуль,
Хоть очень стрелку не хотелось губить неземную красу.
Так жили —

дарами природы вдали от несчастий и бед.
Стекались недели, как воды, в озера медлительных лет.
Казалось, что понемногу в такой благодатной тиши
Должна бы покинуть тревога душу Али-киши.
Но ради ли неги сладкой жилось им среди облаков?
«Ровшан! Застоялись лошадки без звонких стремян,
без подков.

А ну-ка, сынок, на Гыр-ате отважься взлететь
с крутизны:

По пашням промчатся да, кстати, — колючками
целины.

Когда жеребцы не споткнутся, пускай одолеют
хребты,

Должны мы в долины вернуться, орлиной не сдав
высоты...»
И вот уже в диком намете срывается всадник
с тропы:
Мелькают овины, ометы, ломаются с хрустом шипы.
По скалам пустился крылато и замер — глазами
в рассвет, —
На звонких копытах Гыр-ата ни малой царапины нет.
И снова — ометов мельканье, неистовый каменный
град —
Так выдержал все испытанья и наш ветроногий
Дур-ат.
Старый табунщик ликует: «Ах, кони! Зари горячей.
Мы с ханом теперь потолкуем на грозном наречье
мечей.
Хоть мы и враги разрушенья, испробуем прочность
дворца...
Ровшан мой! Прими разрешенье: отмстить
за мученья отца». —
И — молнии блеск под Ровшаном, буран —
под Али-киши, —
Копытами в пыль разбиты в долине речной голыши.
... Над перевалом трудным старик величавый стоял,
За поясом изумрудным мисри-гылындж¹ сиял.
Высокий, словно чинара, учтиво отвесив поклон,
В пыльные лица встречных всмотрелся внимательно
он.
Узнав молодого Ровшана и старца Али-киши,
Он дланью, как из самшита, им руки пожал от души.
И протянув Ровшану сияющий мисри-гылындж,
Старик произнес: «Ты хана волшебным мечом
победишь,

¹ Мисри-гылындж — меч из египетской стали.

И если не слышал, быть может, еще ты ни слова
о нем,
Знай: выхваченный из ножен, мой меч поражает
огнем.
С мечом на Гыр-ате крылатом свершишь ты свой
праведный суд, —
Ни стрелы, ни ратные латы врага твоего не спасут.
Почтительно распрощавшись с приветливым стариком,
Бойцы жеребцов отощавших кормили перед броском.
... Не жаждется нынче Гасану встречать неурочных
гостей, —
Гасан погрузился в нирвану среди музыки, вин
и сластей.
Под звуки прелестного тара и сладостной кеманчи
Танцовщиц волшебные чары порхали над морем
парчи.
Вельможам от сытости тяжело и жарко в прохладной
тени, —
Горячее мясо барашка вином охлаждают они...
Еще отзвучать не успела задравная песня певца,
Как пара коней подлетела под мрачные стены дворца.
И в ханское сердце морозно ножи ледяные вошли —
Он сразу во всадниках грозных Ровшана узнал и Али.
Рокошущим голосом грома воскликнул Ровшан при
гостях:
«Гасан! Ты построил хоромы на наших слезах и костях.
И мудро ты вышколил беков — служить не за совесть —
за страх.
Не вина — кровавые реки в бокалах на ваших пирах...
Как бешеный волк, по навету завистливого дружка
Бездумно лишил ты света отца моего, старика.
Ты жил, не страшась отмщенья, — свету всему голова,
Но время каждым мгновеньем диктует свои права...»

А ну, выходи, вельможа, и доблесть свою покажи,
Или рука, быть может, в страхе зверином дрожит?»
Взбесил Гасан-хана вызов, табунщика дерзкая речь:
Каленою сталью взвизгнул взлетевший булатный меч.
Но поздно... В ответном замахе — расплата за муки

отца, —
И хан распластался во прахе под мрачной стеною

дворца.
Свершилось... И зря пехлеваны сбежались усердной

толпой
Смирять удалого Ровшана: он выиграл праведный

бой.
А беки, застолье покинув, как осы голодные злы,

Кричали: «Убил властелина какой-то босяк,
кёр-оглы! ¹»

Как соль на горячие раны Ровшану вот эти слова, —
Отважно сразил он тирана, но черная челядь жива!

Ровшан разошелся как буря, работая верным мечом,
И словно осколок лазури взлетал у него над плечом.

«Изведайте силу изгоя!» — гремели в бою удила,
И плотно, одно на другое, ложились немые тела.

Под молнией мисри-гылынджа редела противника
рать...

Копытами, грудью, зубами сражался могучий
Гыр-ат.

Сто конников против Гыр-ата — сто стрел, сто
каленных мечей, —

Он взвился пружиной разжатой, извергнув огонь из
очей.

Как струны, звенели поводья. От крови красны
стремена.

¹ Кёр-оглы — буквально сын слепого,

Но снова — водой в половодье — врагов подступала
стена.

Тут понял Али: утомился его несравненный Ровшан,
И к сыну старик устремился по слуху в кровавый

туман.
Он крикнул уставшему сыну: «Нужна передышка

коню!
Сворачивай к нашим вершинам, — скачи, я тебя

догоню...»
Он знает, табунщик, как больно от пролитой крови

земле.
«Довольно, — шептал он, — довольно!» — качаясь

в привычном седле.
На молниекрылом Дур-ате он мчал за Гыр-атом

вослед,
И мнились в багряном закате кровавые отблески

бед.
А впрочем, они, эти беды, скакали на резвых гнедых

И жаждали скорой победы на скалах, от горя седых.
Старик среди неистойвой скачки воскликнул: «Погоня

вблизи!
Правь пашней, мой сын, — и гнедые завязнут

в тягучей грязи».
И вправду: гнедые в трясине завязли по самую

грудь...
Вновь пыль на скалистой вершине врага обозначила

путь.
«Отец! Что-то около сотни я всадников вижу, — гони!
Ужели достигнут сегодня нас в узких ущельях они?»

Минута раздумий, длинна ты! Но старый Али
не спешит:

«В колючки направим Гыр-ата, — пусть он наши
судьбы решит,

А я за тобой на Дур-ате отважно направляюсь сквозь
мрак.
Я зарослям верю: прорвать их не сможет озлобленный
враг».
Вот-вот их настигнет погоня, но, сбившись с пробитой
тропы,
Шарахнулись серые кони, наткнувшись на злые шипы.
Застряли...

Когда б не усталость, смеяться б Ровшану
с Али:

Погоне сегодня досталось изведать упорство земли...
Ровшан оглянулся, и что же? Погоня — на белых
конях.

Уж эхо отчетливо множит лязг стали в гранитных
камнях.

И снова табунщика опыт отводит лихую беду:
«Правь, сын мой, на горные тропы, под нашу ночную
звезду.

Бескрылые белые кони не в силах парить в высоте,
И мы отдохнем от погони в заветном орлином
гнезде...»

О, молний полет несравнимый! Взлетели два чудо-коня
Над черной ночью стремниной, копытами грозно
звения.

Но, может быть, над перевалом высокие звезды
зажглись?

А где-то с проклятьем усталым прислужники хана
плелись.

...Гремело от темных подножий разбуженных эхом
вершин:

«Нам в горестях наших поможет слепого табунщика
сын,

Залечит кровавые раны, осветит немые углы...»

С тех пор незабвенных Ровшана народ называл
Кёр-оглы...
Храбрец, он и в песнях прославил великое дело борьбы
И много дастанов оставил, достойных высокой судьбы.

II

Что за крепость есть в Ченлибеле! С гордых стен
не увидишь земли.
Зря ли в каменной их колыбели соколята отважно
росли?!

По вершинам — раздолье тумана, по-над рвами
дремучая мгла.
Львиным рыком разбужены рано, тигры вспугивают
орла...

От далеких аулов, от весей, откликаясь на зов Кёр-оглы.
По хребтам, по тропинкам отвесным мчатся соколы,
вьются орлы.

Невозможно пройти караванам возле каменных стен
крепостей, —
С крутизны проскакав по туманам, удальцы настигали
«гостей».

И взлетали тугие арканы, и звенели о латы ножи,
Замолкали надменные ханы, трепетали безмолвно
паши...

Распоров переметные сумы разогретою сталью мечей,
Удалые без лишнего шума облегчали мошну богачей.
Дымный жемчуг светился молочно, полыхали зарей
кумачи.

Пел ручей под луною полночной, вторя звукам родной
кеманчи.

Словно не было схватки успешной... Удальцы
собирались к костру

И добычу делили неспешно, чтобы в крепость явиться
к утру.
Так и жили — от боя до боя, защищенные грозной горой,
Но, натянутые тетивой, жилы сил обрывались порой.
Обрывались... Но дерзостной славы Ченлибель никогда
не снижал, —
Кёр-оглы, словно дуб величавый, в поединках с врагом
возмужал.
Все слышней раздаются проклятья, и врагов замыкается
круг,
Но в гнезде подрастают орлята, соколята резвятся
вокруг.
Жарких схваток неистово жаждал Ченлибель — голубой
исполин,
И опять показались однажды караваны в одной из долин.
Словно волны морского прибоя жеребцов ветроногих
бока.
Вот добыча короткого боя: шерсть, атлас, дорогие шелка.
Не над яркой игрой самоцветов, не над блеском алмазной
росы —
Замер вдруг Кёр-оглы над портретом юной девушки
дивной красоты.
Поворот головы горделивый, лба отлогого теплый гранит,
И пронзительных глаз черносливы, и мерцанье
прохладных ланит.
Но к чему ограничен он рамкой в изумрудном узоре
цветов,
Подбородок с прелестною ямкой, что вот-вот
шевелинуться готов?
Надпись — синим — под рамкой портрета, словно вены
сквозь смуглый загар,
Объясняла: красавица эта — несравненная пери Нигяр.

Что отец у нее из Стамбула, да к тому же еще —
властелин,
Но уже Кёр-оглы захлестнула страсть, подобная бегу
лавин...
Что ж, пожалуй, не счел бы позором даже камень
холодных кровей
Растопиться от пламенных взоров под широким размахом
бровей.
А влюбленное сердце героя не желает стучать
взаперти, —
Над своей луноликой мечтою он стоял до рассвета почти.
Разве сердце его виновато, что впервые столкнулось
с тоской?
Взял он саз и вскочил на Гыр-ата, чтобы мчаться
к Нигяр дорогой.
О, как взвились друзья-побратимы: «Безрассудство
оставь, Кёр-оглы!
Твоей гибели разве хотим мы? Иль теперь мы уже не
орлы?
Оставайся... Иль ты не ответчик за родную отчизну
свою?
А с твоею возлюбленной встречи мы добьемся в далеком
краю.
Оставайся... Беречь свои силы и отвагу лихого коня
Ты обязан для родины милой, ради счастья грядущего
дня...»
И, растроганный добрым участием, отвечал Кёр-оглы
храбрецам:
«Мы сражались за общее счастье, а свое — завоюю
я сам!
Может быть, мне оно не изменит ни в буран, ни в слепую
грозу...
Коль Нигяр мое сердце оценит, я ее в Ченлибель привезу.

«Признаюсь, я еще не встречала многословия пагубный дар
В храбрецах, и, пожалуй, к тому же: объясни, коль действительно смел,
Для чего ты, себя обнаружив, говорить с незнакомкой посмел?
Расскажи, как ты смог оказаться среди моих смуглолицых подруг,
Если даже певунья-касатка не влетит в заповедный наш круг?
Иль, быть может, рожден ты крылатым?» —
«Нет, — ответил Нигяр Кёр-оглы, —
Но с моим ветроногим Гыр-атом я быстрее крылатой стрелы.
Это чудо летающей плоти столько раз выручало меня, —
Нужно видеть Гыр-ата в полете, а умом не постигнуть коня».
В цель попала стрела! «Не мечта ли — убедиться в твоей правоте? —
И в улыбке Нигяр заблистали две звезды в голубой темноте. —
Покажи мне Гыр-ата, — наскучил этот дивно ухоженный двор:
Так и хочется ивой плакучей прорасти сквозь высокий забор».
Под ладонями — стан ее хрупкий... Как летящая в небе звезда,
Мчал Гыр-ат над землею: голубку смелый сокол унес из гнезда.
Вихрь... Росы изумрудные искры, но еще раздавались вдали
Вопли, крики, истошные взвизги: «Помогите! Нигяр увезли!»

Оседлали коней пехлеваны, засверкали на солнце мечи,
И, покинув тугие колчаны, пели стрелы струной кеманчи...
Кёр-оглы, он к погоням привычен, а Гыр-ат не привык уставать,
Но своею прекрасной добычей им сегодня нельзя рисковать.
Прошептала Нигяр боязливо: «Ты из сада унес соловья, —
Сделай так, чтобы стал он счастливым, а не сгинул в когтях воронья.
Ты укроешь меня в Ченлибеле от постылой опеки отца...»
Если руки нежней колыбели, значит, слышат друг друга сердца.
Но все ближе враждебные рати, все пронзительней пение стрел...
Кёр-оглы на крылатом Гыр-ате ожиданием битвы горел.
Обтекли, словно волны, лавины, навалились, как горный обвал, —
Есть раздолье для доблести львиной — по десятку врагов наповал.
Побеждало скорей не геройство, а единство влюбленных сердец:
Ведь при виде несметного войска растерялся бы всякий храбрец.
Да, такое увидишь едва ли, как, на ярость расправы легки,
Под мечом Кёр-оглы опадали пожелтевшей листвою враги.
Эхо множило голос героя, щит звенел, извергая огонь,
И копыто вздымал боевое в пекле схватки летающий конь.

Но когда над багряною мглою показались на скалах
орлы,
Ранен был оперенной стрелою разъяренный орел
Кёр-оглы.
Благородною сталью блистая, перевалами, сквозь
облака,
Налетела орлиная стая — выручать своего вожака.
С поля брани умчали героя, а Нигяр ему кровь уняла...
Да, над этим задуматься стоит: дичь охотнику вдруг
помогла.
И обратимов своих к Ченлибелю по стремнинам повел
Кёр-оглы,
и опять небеса голубели над следами кровавой игры.
Как он ждал возвращения сына, одряхлевший табунщик
Али,
Вечерами у края стремнины жадно слушая голос земли.
И дождался... Касаясь перстами дорогого лица, узнавал
Он под шрамами и под рубцами те черты, что уже
забывал.
Но у счастья — короткие слезы, — нынче свадьба его
Кёр-оглы:
Куропатки, джейраны и козы словно сами легли на
столы.
Храбрецов не насытил он сразу, при кострах
огнедышащий плов,
И барашков душистое мясо торопилось слетать
с вертелов.
Песни гор... Неизбывность печали, властный зов
недоступных вершин,
И воинственных дум величавость, и распахнутость
нежной души.
Где ж Нигяр? Молодая орлица как журчащий родник
весела,

Променив золотую темницу на просторные горы орла.
Не вчера ли смыкался над садом стен высоких
бессмысленный круг?
Женихов ненавистных осада? Лицемерная преданность
слуг?
То ли дело — бескрайние гряды облаков над громадами
скал,
Где, казалось, со звездами рядом ряд утесов алмазно
сверкал.
То ли дело — ее похититель, восхитительный муж
Кёр-оглы,
Справедливый и доблестный мститель, смело сбивший
с Нигяр кандалы.
Он, чье мужество в страх повергало храбрых воинов
в стане врага,
Нес Нигяр на Гыр-ате по скалам, словно хрупкую
прелесть цветка.
Нес, поскольку не только женою — другом тайн
оказалась она,
И сама понеслась целиною, ощутив под ногой стремяна.
Храбрецы замечали с любовью, как булатная сталь ей
к лицу:
«Без побед над бедою и кровью никогда не бывать
храбрецу!»
Так — товарищ, соратник, подруга, — стремя в стремя
с отважным орлом,
Научилась сквозь ливни и вьюги трудной жизнью шагать
напролом.
Но все медленней ток благотворный в старых жилах
слепого Али, —
Он дряхлел, словно вечный затворник в темной камере
тесной земли.

Немотою погасшего взора он придавлен, как медленной
 Так в костре догорающий хворост покрывается серой
 Только память... И та потускнела — позолота по бронзе
 Как чудесно трава зеленела у подножий дремавших
 Как скакалось ему, как дышалось, как игриво резвился
 И по жилам незванная жалость потекла ледниковой
 В жаркий полдень промчавшейся жизни пил ее, словно
 Родниковая влага отчизны — панацея от всяческих
 Был Али настоящим мужчиной и бестрепетно ждал
 Что печальный напиток кончины доведется пригубить
 Не сегодня, так завтра... Проводит верный сын дорогого
 В вековечном своем хороводе жизнь людей не имеет
 Возвратясь из походов далеких, часто сын приходил
 Рассказать о победах нелегких, по-сыновьи развеять
 Но, так было уже не однажды и случится не раз и
 Умирают деревья от жажды, и с деревьев слетает
 мглою,
 золой.
 годов...
 хребтов.
 гнедой!
 водой.
 сладкий шербет, —
 бед...
 потому,
 ему
 отца —
 конца...
 к старику
 тоску.
 не два, —
 слетает
 листва.

Остается подлесок... Весною из верхушечной почки
 Он взорвется листвою озорною или вечным началом
 И случилось... Рукою бессильной прижимая Ровшана
 Прошептал умирающий: «Сын мой! В мир моими
 А душа? За нее я спокоен перед близкой дорогой
 Только помни, мой доблестный воин: в этой жизни —
 Потому я тебе завещаю — ратной дружбы в гордыне
 Дружба в горе тебя защищает, рушит горы содружество
 Если враг на какое-то время вдруг сумеет тебя одолеть,
 Ты отчаянья тяжкое бремя должен крепко в себе
 Только доблесть и твердая воля помогают победам,
 Но — хотел бы увидеть я поле и тебя — мальчуганом
 Под журчанье трехструнного саза подремать у ночного
 Сын! Окинуть хотя бы вполглаза мир, в который
 Ты люби эту гордую землю, опасайся узды хитрецов
 И закат свой последний приемли под орлиную песнь
 И еще: правоте не перечая, час победный не празднуй
 Всякой сече предшествуют речи, ибо слово сильнее меча.

Чернай мудрость из чистых колодцев и почувствуешь
силу в руках:
Умирают цари, полководцы, остаются дастаны в веках.
Но и с мудростью в доблестном сердце твердо знай
до предсмертных седин:
Даже лев поражение терпит, если он остается один.
Возгордишься — тогда не ропщи ты и не сетуй печальной
порой,
Коль народ не попросит защиты у тебя, одинокий герой.
Человеку не жить без отчизны, как зерну не взойти
без земли...»
И пригубил напиток кончины мудрый старец, табунщик
Али.

III

Чем дружба с отцами крепче, тем скорбь по ушедшим
сильней...
Мрачнел Кёр-оглы, как туча, все траурных сорок дней.
И слезы, свидетели муки, струились дождем
по лицу, —
Неправда, что горечь разлуки легко пережить
храбрецу.
Но ждет храбреца утешенье: сподвижница, друг и
жена,
И те, кто в суровых сраженьях сроднились на все
времена.
Вновь прядают кони ушами, и точатся меч и копые,
И беки, и ханы с пашами в боях получают свое.
Опять на крылатом Гыр-ате рассветы встречал
Кёр-оглы,
И таяли ханские рати, как волны предутренней мглы.
Подруга затянута туго, блистает каленый булат,

Но... если одежды ашуга достойней сияющих лат?
Пылает воинственный разум, бойцовскую кровь
горяча,
Но... если звучание саза значительней звона меча?
На свадебных сельских пирушках стал песни слагать
Кёр-оглы, —
Он знал:
обездоленным душам напевы родные милы.
Шло время... Касатки летели, покинув приветливый
юг.
Весной прискакал к Ченлибелю Чунун, престарелый
ашуг.
И сазы в шесть струн зазвучали, и тесно сплелись
голоса,
Но только в тревожной печали Нигяр поднимала
глаза.
Пылали цветущие маки, серебряно пел водопад,
И, полон весенней отваги, рыл землю крылатый
Гыр-ат...
Долиной, где травы ревниво ночную прохладу
хранят,
К ручью привела олениха пугливых, смешных оленят.
Напились и скрылись безмолвно — вдали громыхнула
гроза, —
Казалось, сполохами молний мелькнули оленей глаза.
Вослед убежавшим оленям метнув затуманенный
взгляд,
Сказал Кёр-оглы с сожаленьем: «Вот так и они
пролетят,
Лета нашей жизни недлинной, прольется цветенья
нектар,
Но кто же продолжит орлиный полет наш, родная
Нигяр?»

Ведь даже у робких джейранов — забавная стайка
ягнят.
Взгляну, — позабытые раны, как будто к дождю,
заболят.
Сраженьям — все годы и силы... Но поздно на это
пенять!»
Нигяр отвечала: «Мой милый! Чтоб имя отца
перенять,
Нам нужен наследник, я знаю, плакучею ивой
скорблю.
Детей я во снах пеленаю и, плачущих, грудью
кормлю.
Тоскою по милому сыну душа загорелась давно...
Поверь мне: я горестно стыну при мысли, что нам
суждено
Познать одиночества холод, стареть у чужого огня...
Ты добр, ты отважен и молод, и знаю, что любишь
меня,
Но лишь в материнстве — спасенье, и гордость, и сила
жены, —
Ужель в бесконечных сраженьях все недра мои
сожжены?!
Мелькну я бесплотною тенью, оставлю ликующий свет, —
Что толку в роскошном цветенье, когда в нем сплошной
пустоцвет?»
Умолкла Нигяр... Был потушен жар полдня в душе
Кёр-оглы:
Казалось, обрушился в душу обломок холодной скалы.
И ветер пронесся в ущелье со звуком оборванных
струн...
«Да, жизнь — не сплошное веселье, — задумчиво молвил
Чунун. —
Но боль постепенно уймется, и медленно схлынет беда:

От всяких недугов найдется целебное средство всегда.
Сын родины... Разве не стоит сегодня подумать о том,
Что можем любим сиротою утешить бездетный наш дом?
К тому же печально богата сиротами наша земля,
И жаждут не мирной ли жатвы политые кровью поля?
Спят в гнездах птенцы куропаток, орлята глядят

с высоты,
Лишь дети погибших героев сгорают в когтях нищеты.
Я песенным сердцем ашуга наплакался, глядя на них,
Но слезы — не теплая шуба, не ласки отцовской родник.
В далеком селении горном, счастливой находкой для вас,
Живет мальчуган безнадзорный, а звать мальчугана —
Эйваз.

Но слишком уж горд этот малый: в гордыне высокой
своей
Он льва не признает, пожалуй, владыкою прочих зверей.
В нем мужество шаха Махмуда¹, и словно Юсиф² он
красив,
И храбр, как Рустам³, — только чудом мальчишка
ничуть не спесив.
Хоть многие любят Эйваза, да в чувствах не слишком
смелы:

Оправа нужна для алмаза — Нигяр и храбрец
Кёр-оглы...»
Отрада зарей небывалой крылато влилась в Ченлибель,
И сразу Нигяр просияла, как месяц улыбок — апрель.
Взлетел Кёр-оглы на Гыр-ата, взметнулся Гыр-ат
в вышину,
Лишь грохот гранитного града в ущельях громил
тишину...

¹ Шах Махмуд — легендарный афганский завоеватель.

² Юсиф — святой Иосиф.

³ Рустам — храбрец, герой эпоса Востока.

О, молния ладного тела! Мельканье утесов, хребтов.
Долины — в цветении белом, соломинки хрупких
мостов.
Былинки деревьев могучих, хвоинкою — столб путевой,
И гордые горные кручи — не выше межи полевой.
Туманом в глаза порошило, часы как мгновенья
текли, —
Ужель переразалась жила железной на ошупь земли?!
Когда же над тьмой голубою заря занялась, как
вулкан,
Узрел Кёр-оглы под собою селение Гаратикан.
Волненье в зрачках заплескалось: вот здесь обретет
он сына!
И солью осела усталость на впавших от скачки висках.
Прошелся селением спящим, Гыр-ата ведя в поводу,
И вскоре («ищи и обрящешь!») он кузню увидел
в саду.
Из горна дымок пробивался сквозь горку остывшей
золы...
«Хозяин! Мой конь расковался, — сказал кузнецу
Кёр-оглы, —
Подкуй жеребца понадежней, дорога еще далека».
Не слишком ли настрожен был взгляд
кузнеца-старика?
Ковать одному не сподручно и тяжело — в его-то
лета, —
Ходил у него в подручных Эйваз, богатырь-сирота.
За силу, за точность глаза приняв на свои хлеба,
Кузнец приласкал Эйваза как сына — не как раба.
А тут вдруг проезжий... Он сразу в проезжем узнал
Кёр-оглы
По знатным орнаментам саза, по взгляду — звездою
из мглы.

Узнал он его по Гыр-ату, по алой, как пламя, парче, —
Предчувствие скорой утраты проснулось, что рана
в плече.
И сник, огорошен догадкой: храбрец прискакал
непроста, —
Умчится дорогой негладкой с ним вместе
Эйваз-сирота.
Он слухам не мог не поверить: Эйваза искал
Кёр-оглы...
Замкнув за приемышем двери, что, словно скала,
тяжелы,
Кузнец приготовил подковы, вздул рыжую гриву огня,
Но два молодца бестолково крутились у крупа коня.
Им в руки Гыр-ат не давался: размахом неистовых крыл
Он с привязи крепкой срывался и землю копытами
рыл.
Эйваз, любопытством пылая, подумал: «Что там
за возня?
Ведь мастер меня посылает треножить любого коня.
Тяжелым уменьем испытан, сработаю, только вели:
Чертям подровняю копыта, надежно вгоню ухнали.
Иль бедствие ждет нас? Проверю! Таиться ж — ищи
простаков!»
Удар — и тяжелые двери слетели с тугих косяков.
Прыжок, и схватил он мгновенно железную ногу коня,
И рухнул Гыр-ат на колени, богатой уздой звеня.
Стоял Кёр-оглы у порога лачуги в противном
дыму,
И запах паленого рога казался усладой ему.
Подходов не ведая тонких, пошел Кёр-оглы
напролом:
«О мастер! Отдай мне орленка, — его воспитаю
орлом».

Случилось... Чугунные тучи прошли по челу
кузнеца, —
Он ждал этих слов неминуемых тяжелой душою отца.
И вымолвил он через силу: «По чьим ты явился
следам?
Пред зевом разверзтой могилы я сына и то не отдам!»
Взорвался от ярости разум, сверкнули глаза, что
ножи,
Как будто ударили разом сто молний в вершину души.
Шарахнулся мастер пугливо, но выдержал взгляд
Кёр-оглы...
В руках, что черны от надрыва, сошлись сухожилий
узлы.
Храбрец не сплоскает... Эйваза схватил он за пояс
витой,
Но тот с непреклонностью вяза стоял, словно в землю
влитой.
Впервые за долгие годы вздохнул Кёр-оглы тяжело,
Раздумье, как вечер на воды, на лик его грустный
легло.
От этого вздоха тревога коснулась отзывчивых глаз.
«Наверно, ему одиноко», — подумал смущенный
Эйваз.
Сказал он: «Пришелец, послушай, что есть у меня
за душой:
Не гнуться тростинкой послушной под натиском силы
чужой».
И плотно — грудь с грудью — схватились два ратника,
два храбреца, —
Уж солнце давно закатилось, а схватке не видно
конца.
Ни подлой подножки, ни злобы: слив силы в единый
порыв,

Стояли, красивые оба, в железном объятье застыв.
Так опыт теряет значенье, наивности не одолев...
Тогда Кёр-оглы с огорченья взревел, как
рассерженный лев.
Свободно ломавший подковы по дюжине целой не раз,
Не слыхивал рева такого мечтательный отрок Эйваз.
Куда тут раздумывать было? Упал он, как злак под
косой, —
Так падают полные силы дубы под случайной грозой...
Когда же ременные пута прошлись по запястьям юнца,
Под сердце, в прицельности лютой, ударила боль
кузнеца.
Но мужество ценит сноровку, отвага отваге верна, —
И пленник промолвил: «Веревка тебе, храбрецу,
не нужна.
Из русла бурливой рекою не вырвусь в далеком пути». —
«Мне будет гораздо спокойней в тенетах тебя увезти», —
Ответил с улыбкой Эйвазу довольный собой Кёр-оглы.
Но вдруг развязались все сразу на связанном злые
узлы:
«Вот так-то, а ты сомневался: я тверд в своем слове,
герой!
Ты дружбы моей домогался? Веди, — поспешу за
тобой...»
Увидел кузнец, что уходит часть сердца его навсегда
И сила, с которой доходы старик получал без труда.
Где ж выход? Смирившись с потерей, он вымолвил:
«Что ж, Кёр-оглы!
Пришлешь ты Эйваза, я верю, проведать родные углы,
Помочь мне в работе нелегкой хоть раза четыре в году, —
Над вечером слабнущей плоти затепли надежды
звезду...»
Конечно, он просьбу исполнит, какой бы она ни была,

И радость великая полнит победное сердце орла.
Шептал Кёр-оглы, прижимая отважного парня к груди:
«Отныне дорога прямая лежит пред тобой впереди, —
В седле, как в родной колыбели, со мной ты помчишься
по ней.
Мой сын долгожданный! Тебе ли ковать густогривых
коней
В ленивой прохладе достатка? И сладок ли хлеб батрака?
Кто сладил с крылатым Гыр-атом, тому догонять облака.
Свободную песню полета поймешь до последней строки. . .
Нас ждет в Ченлибеле работа, достойная храброй руки».
И вынес Гыр-ат из селенья счастливую кладь седоков, —
На щебень кромсало камня кресало надежных подков.
Все выше. . . Мелькание весей, долин и хребтов —
без конца,
Созревшие грозди созвездий, казалось, касались лица.
Но вот над изломанной гранью — рассветной зари
акварель.
Гыр-ата призывное ржанье. . . Домчались, — встречай,
Ченлибель!
О, счастье! Прекрасные руки к высоким воздез небесам,
На крыльях и счастья, и муки летела Нигяр к храбрецам.
«Мой сокол! Ужели мне снится? Ответь», — и, белей
полотна,
Обвисла подраненной птицей на шее Эйваза она.
И руки, валившие лошадь, умевшие все понимать,
Подняли бесценную ношу, чье имя великое — мать!
Но радость не ранит смертельно, другие задачи у ней:
Пируют веселой артелью герои у жарких огней.
Встречают и друга, и брата, которого ждали давно. . .
Под мудрые песни ашугов кипит золотое вино.
Когда же в туманной вуали взошла молодая звезда,
Растаяли знаки печали на лице Нигяр навсегда.

IV

Вновь и вновь Кёр-оглы побеждает, и победы
рассветные те
Подневольный народ пробуждают в вековечной его
темноте.
Разоряются ханы и беки, в черной злобе трепещут
паши, —
Половодьем весенним набеги окрыляют свободу души.
Утверждая закон великанов, заявлял Кёр-оглы
храбрецам:
«Справедливость и беков, и ханов, — тьма кровавая
нашим отцам.
Волчья хватка на шее народа — вот она, угнетателей
власть.
Нам звериную эту породу надо выжечь, как злую
напасть.
Чтоб следа не осталось от гнета, чтоб под солнцем
не жить палачам,
Предстоит удалая работа быстрым стрелам и острым
мечам. . .»
Полыхали дворцы и усадьбы; кони грудью крушили
гранит.
И вздыхал Кёр-оглы: «Мне узнать бы, кто меня
в брэнном мире хранит?»
Первиз-хан. . . Он в то время лихое самым сильным
считался в стране,
Но в покоях не знал он покоя, как безрукий седок
на коне.
Разъяренный делами героев, Первиз-хан в окруженьи
вельмож
Заходилса неистовым воем: «Кёр-оглы? Да цена ему —
грош!

Но кто свяжет его, кто привяжет поперек молодого коня,
Тот уважит и крепко обяжет на ответную щедрость меня.
Я тому за великую стойкость, за отважную силу в плече
Дам червонного золота столько, сколько весит он сам —
при мече.

Мне б пойти, да по чину ли вызов? Потому обещаю
к тому ж:
Главным визирем хана Первиза станет этот заслуженный
муж!»

У Первиза был дьявол дворцовый, Гамза-бек — идеал
подлеца, —
Плешь блестела истертой подковой, обезьяньи гримасы
лица.

Человечность и верность? Откуда эти качества в старом
ханже?!

Но зато уж какое раздолье вероломству в фальшивой
душе.

За бесценнок продаст он и хана, и друзей, и родную
жену, —

Так всегда подголосок тирана у предательства в вечном
плени.

Услыхав о размере награды за плененье орла Кёр-оглы,
Он сквозь прутья дворцовой ограды проскочил наподобье
юлы.

В самых подлых делах наторелый, бек на подлость
решился и тут, —

Зависть черная дымно горела: вдруг другие его обойдут?!
Перед ханом упав на колени, льстиво вымолвил:

«Мудрый, внимли!
Если птицу лишит оперенья, не поднимется птица
с земли.

А когда Кёр-оглы потеряет невзначай своего скакуна,

Он сраженье легко проиграет, не найдя под ногой
стремена.
Так дозволю привести мне Гыр-ата погнаться в луговые
стога, —
От такой беспощадной утраты обломаются крылья
врага».

Молвил хан: «И под плешью сплошною зреет мысль,
что достойна хвалы.
Молодец! Притворись тишиною, обмани простака
Кёр-оглы.

В нашем деле любые приемы ради выгоды крайне
важны, —
Возвратившись, отыщешь в хоромах меру полную
звонкой казны».

И, обласкан высокою рукою, в путь пустился плешивый
Гамза, —
От него, над бурливой рекою, отклонялась брезгливо
лоза.

А как только скопец гололикий появлялся на склоне
горы,
В непролазных кустах ежевики замолкали мгновенно
щеглы.

Но, снедаемый жаждой наживы, словно конь, совершал
он прыжки,
Лишь пылали опалом фальшивым опаленные страхом
зрачки.

Через пропасти, рвы и долины поспешал, рассветало
едва,
Видел тропки по краю стремнины в тьме кромешной,
как будто сова.

Отдыхал в чернолесье угрюмом, наслаждаясь
приятностью мглы,

И опять смаковал свои думы, как удачно продаст
Кёр-оглы.
А тем часом гроза в Ченлибеле разразилась, игра
сатаны:
Даже скалы и те оробели от ударов гремучей стены.
Сквозь картечь неурочного града — жарких молний
сплошные мечи, —
Разверзались небесные хляби, гулко ухали грома сычи.
Под неистовством хлесткого ветра пыль смешалась
с туманом низин,
И деревьев обрушенных ветви проплывали в бурлящей
грязи.
В час ночного разгула природы находился на страже
Эйваз, —
Что герою небесные воды, если крепок он, словно
алмаз?!
В буревом, громяющем мраке он заметил глазами
орла,
Как, холмы одолев и овраги, чья-то тень к Ченлибелю
ползла.
«С чем спешит незнакомец в наш лагерь? Почему он
ползет, как змея?»
И горячая сила отваги перешла в наконечник копья.
Сотня молний, сорвавшихся разом, осветила на миг
небеса:
Перед огненным взором Эйваза распластался плешивый
Гамза.
Чуть не умер предатель плешивый, ощутив острие
у груди,
Но воскликнул довольно ретиво: «Храбрый воин!
Меня пощади.
Я ищу в Ченлибеле спасенья у отважных сынов
Кёр-оглы...»

Испытавшему боль униженья, гнет тирана, потоки хулы
Умереть — не великое диво, — столько раз убивали меня,
А сейчас — я ездок несчастливый, потерявший в дороге
коня.
Уж не знаю теперь, где же пал он, конь надежды?
Не сыщешь следа...
Мне от жизни одно перепало: беспросветная злая нужда.
Не спеши убивать... Вероломство жаждет смерти моей
без причин...
Пусть случайное наше знакомство превращается
в дружбу мужчин.
И неплохо, мой страж непреклонный, с Кёр-оглы
повстречаться бы мне, —
Он тревогу души угнетенной разовьет, словно пыль
по стерне.
Отведи, — я устал от страданий». И заплакал плешивый
Гамза...
Обломившись о скальные грани, уходила за горы гроза.
Крупных звезд изумрудные зерна потускнели. Заря
занялась...
В настороженном утре упорно о случившемся думал
Эйваз:
«Пусть убью я его, — мол, в убитом я отчетливо видел
лжеца.
Представляю, как глянут сердито справедливые очи отца.
Вдруг не лжец он? Обличье гадюки, а под ним —
не сама ль доброта?
Отпечатком немислимой муки — складки боли
у скорбного рта...
Так бывает, что дьявол снаружи, но нельзя доверяться
глазам,
Да к тому ж — убивать безоружных... Пусть отец
разбирается сам».

И — плешивый Гамза в Ченлибеле. Звон награды
в ушах подлеца.
Он подумал, от счастья шалея: «Зверь послушно бежит
на ловца!»
Словоблудье... От мутных потоков многих слов оробел
Кёр-оглы, —
Перед ним во мгновение ока кто-то пал на колени,
полы
Подметая намокшей одеждой. Плешь сияла полудой
котла:
«Кёр-оглы! На тебя вся надежда. Пред тобой моя совесть
светла.
Тридцать лет я служил Первиз-хану, тридцать лет
я гонял косяки, —
И болит незажившая рана униженья, нужды и тоски.
Все бы ладно, да вдруг в подземелье ни за что заточили
меня,
И оттуда я вырвался еле, «одолжив» у Первиза коня.
Не желаю погибнуть послушно», — и фальшивую выжал
слезу...
Кстати, сила всегда простодушна: Кёр-оглы приголубил
Гамзу.
Что ж, душа у героя не камень, вспомнил он про
страданья отца,
И, завещанное веками, состраданье вошло в храбреца.
Столько раз обманувшись жестоко, мы всегда за доверье
стоим,
Потому-то и вымолвил сокол: «Пусть наш дом станет
домом твоим.
Верь, вернемся мы в веси родные под крыло
прапрадедовских крыш.
В ненасытном огне тирании не один ты сегодня горишь.
Разве мы пожалеем усилий — погасить этот чадный очаг,

Чтобы наши потомки носили свет свободы в орлиных
очах?
Палачу мы готовим надгробье из обломков его же
дворца...
Не горюй!» И с улыбкою доброй Кёр-оглы отпустил
подлеца.
Где опасность один не заметит, там ее разглядит
большинство:
Ченлибель неприветливо встретил подозрительных черт
существо.
И друзья боевые решили не молчать: «Приглядиись,
Кёр-оглы!
Весь в улыбках пришелец плешивый, а глаза как
у дьявола злы.
Неспроста он сюда заявился, — верь сердцам, что вещают
беду».
Ропот роем рассерженным вился, бился диким конем
в поводу.
И Нигяр, пережившая ужас многих битв на краю
пропастей,
Прошептала в смятении мужу: «Опасайся фальшивых
гостей!
Я, признаться, боюсь его взгляда... Не идет ему роль
простачка:
Словно капли смертельного яда в этих странно-размытых
зрачках».
Гамза-бек, позабыв про наживу, завопил, как чумная
овца, —
Он почуял, наемник плешивый, неизбежную близость
конца:
«Кёр-оглы! Неужель никогда ты не поверишь словам
бедняка?!

Споря с бурей, поводьям послушен, мчал Иуду крылатый
Гыр-ат.
И лишь утром, в часы переклички, кто-то крикнул,
осипнув от зла:
«Упорхнула плешивая птичка и Гыр-ата с собой унесла!»
Торопливо седлая Дур-ата и терзая зубами усы,
Кёр-оглы посмотрел виновато в светлый лик молчаливой
красы.
И, не встретив ни тени упрека на любимом овале лица,
Прошептал: «Я кратчайшей дорогой поспочу изловить
подлеца!»
Но пылал запоздало, пожалуй, возмущения жаркий
костер:
Уж над золотом жадно дрожал он, вероломный
обманщик и вор.
Хан сдержал свое ханское слово — расплатился с Гамзою
сполна
И, любуясь крылатым уловом, приказал подобрать
стремена.
Гамза-бека рукой многогрешной потрепав по холуйской
спине,
Произнес он с кривою усмешкой: «Ты храбрейший
мужчина в стране!»
Но закончены подлые торги и заколот приличный
телец, —
Задрожал от продажных восторгов Первиз-хана
угрюмый дворец.
Ртов жующих упорное рвенье, не забывших о сладком
винце...
Среди чавканья, вздохов, сопенья появился ашуг
во дворце.
Словно зарево силы свободной, мак улыбки алел в бороде,

Он заставил свой саз благородный говорить о высокой
звезде.
Пел ашуг про мгновенья свиданий, о нектаре цветущей
любви,
И потоки забытых желаний забурлили в ленивой крови.
Но, когда загрустив об утрате, замолчали хмельные
столы,
Вдруг запел он о славном Гыр-ате и владельце его —
Кёр-оглы.
«Ложь! — воскликнул Первиз разъяренный. — Конь
волшебный теперь у меня, —
Кёр-оглы оказался вороной: у грабителя взял я коня».
Знал ашуг про Первизовы кары, но сказал: «Храбреца
не порочь, —
Разлучить эту гордую пару даже силам небесным
невмочь». —
«Ну а сам-то ты видел Гыр-ата?!» — взбеленившись,
Первиз зарычал.
«Сотни раз любовался когда-то», — терпеливо ашуг
отвечал.
И, подхлестнут волной подозренья, словно ветром седая
вода,
Все же крикнул Первиз в нетерпенье: «Приведите
Гыр-ата сюда!»
Конь предстал пред застывшей толпою, лебединую шею
креня, —
Вмиг, луки не коснувшись рукою, взмыл ашуг на
красавца коня.
Кёр-оглы! Это он величаво встал над стаей беспутства
и лжи,
И отчаянно вдруг прозвучал он, клич базаров и рынков:
«Держи!»

Билось страхом отчаянье крика, как по камню — обломки
 пилы...
 Первиз-хан с перекошенным ликом тщился сталью
 достать Кёр-оглы:
 «Бейте! Или расправит он крылья». И, как ястреб,
 сраженный орлом,
 Рухнул наземь, в последнем усилье изломав свое тело
 углом.
 Взлет Гыр-ата. Предсмертною мутью у Гамзы заплывают
 глаза.
 Блеск меча, и с разрубленной грудью рядом с ханом
 улегся Гамза.
 В ком гадючий неистовством сбита, выставляя вперед
 палачей,
 Ощетинилась ханская свита остриями продажных мечей.
 И взлетали — то сабля кривая, то копьё, то разящий
 кинжал,
 Но шептал Кёр-оглы, отбиваясь от десятков нацеленных
 жал:
 «Лучше я в одиночестве сгину на далеком, чужом берегу,
 Чем свою уходящую спину покажу хоть однажды
 врагу...»
 Враг коварен, заходит он сзади, все плотнее сжимая
 кольцо...
 Осажденный, израненный всадник зрит пять сотен своих
 удальцов!
 Честь и совесть отца защищал он — сын, соратник и друг
 Кёр-оглы:
 Град ударов вокруг расточала мощь огромной его
 булавы.
 И смешались два войска, две силы — око в око, булат на
 булат.
 Багровело дневное светило над отрогами горных громад.

Бой кипел беспощадный, жестокий. Смерть справляла
 свои торжества,
 Исчезала в бурлящем потоке, с плеч слетев, не одна
 голова.
 Налетали, друг друга калеча, разлетались, от боли
 рыча...
 «Всякой сече предшествуют речи, ибо слово сильнее
 меча», —
 Вспомнил вдруг Кёр-оглы завещанье уходящего
 в вечность отца.
 Вновь увидел бескровные длани на кровавых зияньях
 лица
 Старика, ослепленного ханом... «Подождем, мой отец,
 о речах!»
 И опять полетел ураганом, жеребца под собой горяча.
 Нет! Еще не сполна отомстил он за отца, за родные
 поля,
 Но стонала, как будто просила передышки короткой,
 земля.
 Кровоточили пыльные губы, иссякали усилия рук,
 Словно черные головни, трупы устилали пространство
 вокруг.
 И опять: «Правоте не переча, ты победу не праздноу
 сплеча», —
 Тихий голос над грозною сечей в Кёр-оглы кеманчой
 прозвучал.
 «Мой отец! Не скликал я на тризну удальцов —
 по кровавым слезам
 Узнаю про мученья отчизны, над которой глумиться
 не дам...»
 Эти думы, что клятва святая, проносились в душе
 Кёр-оглы.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Гордые горы	7
Не забудется	8
Не стóят...	9
Я крылья обрел	10
Не жалуйся	11
Расскажи об уме...	12
Нежные краски	13
Мугань	14
Любовь к жизни	15
Из тетради путешествий по Германской Демократической Республике	
1. На братской могиле	16
2. В лагере Бухенвальда	17
3. «Парк-отель»	20
В Бузовнах	21
Воспоминание	23
Родник красоты	25
Легенда о марале	28
Бабочка и пчела	30
Жбан и пиала	31
Рубан	32
 КЕР-ОГЛЫ. <i>Поэма</i>	 35

Мехти Сеидзаде
(*Мехти Гасан-оглы*)

РОДНИК КРАСОТЫ

М., «Советский писатель», 1974, 88 стр. План выпуска 1974 г. № 284. Художник И. П. Бронников. Редактор Г. Г. Валиков. Худож. редактор Е. Ф. Капустин. Техн. редактор З. Г. Игнатова. Корректор И. Ф. Сологуб.

Сдано в набор 5/IX 1973 г. Подписано в печать 10/XII 1973 г. А 02235. Бумага 70×108¹/₃₂ тип. № 1. Печ. л. 2³/₄ (3,85). Уч.-изд. л. 3,22. Тираж 7000 экз. Заказ № 1126. Цена 34 коп.

Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

34к

Сп